

78

47

C 561

Советская Музыка

V

973.8

СБОРНИК ЧЕТВЕРТЫЙ

Музгиз

Москва — 1945 — Ленинград

принимал приглашения. И подумать только, что я в первый раз шел к нему, точно к какому-нибудь божеству!

Рахманинов помолчал. Он склонился над своей тарелкой с супом, который ему, кажется, не нравился, и начал отодвигать в сторону макароны. Потом он сказал: „Трудно, конечно, сказать, может быть, это была ревность,—я был музыкантом, учеником Танеева. Может быть, он думал, что я буду новым писном между Софьей Андреевной, музыкой и Танеевым. Тогда, конечно, я этого не понимал. Я рассказал всё это Антону Павловичу Чехову. Он обожал Толстого, и если Толстой кого-нибудь любил, то, конечно, Чехова. Он мне сказал: „Если это произошло в тот день, когда Толстой страдал от желудочной боли,—он не мог работать и поэтому должен был быть в очень нервном состоянии. В такие дни он склонен говорить глупости. Но не надо обращать на это внимания. Это не важно“.

„Что за человек был Чехов! Теперь я читаю его письма. Их шесть томов, я прочел четыре и думаю: „Как ужасно, что осталось только два! Когда они будут прочтены, он умрет, и мое общение с ним кончится“. Какой человек! Совсем больной и такой бедный, а думал только о других. Он построил три школы, открыл в Таганроге библиотеку. Он помогал направо и налево, больше всего был озабочен тем, чтобы держать это в тайне. Когда Горький хотел посвятить ему свой новый роман „Фома Гордеев“, он позволил напечатать только: „Антону Павловичу Чехову“. Он был настолько скромн, что боялся, что в горьковском посвящении будут какие-нибудь громкие эпитеты.

„Чехов и Горький умели извлекать самое существенное из Толстого. Чехов и Толстой были большими друзьями. Антон Павлович писал: „Сегодня ходил к Толстому. У нас были очень интересная беседа, продолжавшаяся два часа. Горький всё время наблюдал за Толстым, словно фоторепортер. В его воспоминаниях виден живой Толстой. Хотя Горький у нас не популярен, он сумел все же отразить облик Толстого очень хорошо. Он умел извлечь из него всё, что ему было нужно—о религии, о жизни, обо всём“.

Пора было уходить. Миссис Рахманинова беспокоилась, что Рахманинов съел острый соус и это могло ему повредить. Она сказала, что ему опять надо побывать у врача, который советовал ему меньше играть, поскольку он был утомлен.

„О, нет!—сказал Рахманинов с внезапной живостью,—концерты—моя единственная радость. Если вы лишите меня их, я извечусь. Если я чувствую какую-нибудь боль, она прекращается, когда я играю. Иногда невралгия левой стороны лица и головы мучит меня в течение суток, но перед концертом проходит, точно по волшебству. В Сен-Луи у меня был приступ люмбаго. Занавес подняли, я уже был на эстраде и сидел за роялем. Пока я играл, боль меня совсем не беспокоила, но, кончив, я не мог встать. Пришлось спустить занавес, и только тогда я поднялся. Нет, я не могу мень-